

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
А81

Дизайн серии *Дмитрия Агапонова*

В оформлении издания использованы иллюстрации
из архива *Shutterstock*

Предисловие и комментарии профессора РГУ и ВлГУ,
ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН
Александра Маркова

Перевод с древнегреческого
Сергея Жебелева и Татьяны Миллер

Аристотель

А81 Политика / Аристотель; предисл. и коммент. А. Маркова, пер. с др.-греч. С. Жебелева, Т. Миллер. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с. — (Популярная философия с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-149781-1

«Большая этика» и «Политика» Аристотеля — фундаментальные труды, объясняющие, какими достоинствами должен обладать каждый гражданин, чтобы его страна была благополучной, а отдельные поступки служили счастьем других людей. Тонкие аналитические наблюдения великого систематизатора науки актуальны и в современных политических реалиях. В этих книгах Аристотель обосновал все основные понятия политической науки, в соответствии со стратегическими задачами государства и общества. Для него этическое неотделимо от политического, только воспитав в себе гражданское мужество и предвидя последствия своих поступков, можно достойно жить и действовать среди других людей. В настоящее издание вошли фрагменты работ древнегреческого философа с комментариями специалиста.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-149781-1

© Т.А. Миллер, перевод, 2024
© А.В. Марков, предисловие,
комментарии, 2024
© Издательство АСТ, 2024

Предисловие

В эту книгу включены два трактата Аристотеля — «Большая этика» и «Политика». Мы привыкли считать, что этика и политика пересекаются только в частных вопросах, например, когда речь идет об ответственности должностных лиц или о нравственном содержании программ отдельных партий. Но для Аристотеля такой областью пересечения является не частное, а общее: человеческое счастье и те добродетели, которые ему служат. Человек показывает добродетели среди других людей, но и счастье принадлежит сразу многим, как основание благополучия большого числа людей. По сути, Аристотель ставит один вопрос: как из всеобщего характера добродетелей, которые и отличают человека от животных, и из всеобщего характера политики, которой занимаются все люди, устанавливая отношения с другими, вывести необходимость политической справедливости и создать новый тип государства, построенный на честных и достойных основаниях.

Тезис о том, что каждый взрослый человек находится вне сферы политики, для нас может показаться неожиданным: в нашей жизни частная или профессиональная деятельность занимает меньше места, чем политическая, ведь на работу мы ходим чаще, чем на выборы. Но для Аристотеля и частная, и профессиональная сферы служат укреплению политических добродетелей. Например, наедине с собой мы можем размышлять, в том числе о том, как избежать бед, а на работе мы показываем различные формы сотрудничества. Всё это служит правильному осуществлению политики: кто научился предвидеть последствия своих поступков, взвешенно подходит к принятию решений, учиться на чужом опыте, вести дискуссии, тот сможет в нужный момент принять и правильное политическое решение. Только одни государства, например тиранические или олигархические, не очень способствуют развитию таких добродетелей: там, где руководители подвержены влиянию страстей, неосмотрительны или ленивы, там и даже, казалось бы, далекие от них области жизни приходят в упадок. А где, наоборот, доблестные люди, способные к честному труду и самопожертвованию, выдержке и просчитыванию

Александр Марков

на несколько ходов вперед, оказываются у власти, там государство приближается к нормам справедливости.

Аристотель и поставил целью выяснить, как создать такие формы государственной жизни, от воспитания юношества до порядка дискуссий и заключения договоров между странами, которые помогут государству раскрыть добродетели своих граждан. В этом смысле «Большая этика», в которой представлен краткий анализ добродетелей и их общественное значение, может считаться своеобразным предисловием к «Политике», в которой Аристотель объясняет соотношение добродетелей отдельного человека и работы общественных институтов. К сожалению, оба труда дошли до нас не полностью, обрываются на полуслове. Например, Аристотель почти ничего не говорит о межгосударственных союзах, а на протяжении всей «Политики» продолжает спорить с проектом идеального государственного устройства, предложенным Платоном, не расписывая структуры управления во всех подробностях.

Вообще, для Аристотеля принципы классификации и систематизации явлений важнее любого интеллектуального эксперимента не потому, что он не умел себе представлять несуществующее, но потому что и любая добродетель, и любой институт проверяются в реальных условиях. Аристотель всякий раз убедительно показывает, как человек может оказаться мудрым, рассудительным, смелым, а в каких случаях он, наоборот, развращается и ленился, и какие последствия это имеет для государства в будущем. В этом, по Аристотелю, — задача философа: понимать, к каким итогам приводят разные способы действовать и разные способы созерцать (обдумывать, планировать, вдохновляться), которые распространены между людьми. Где они могут попасть в ловушку порока, а где — отстоять достоинство благодаря добродетели.

«Большая этика» — самая небольшая из написанных Аристотелем этик, «Никомахова этика» и «Евдемова этика» гораздо объемнее и подробнее. О смысле названия спорили еще в Античности: не то она посвящена отцу Аристотеля и таким образом оказывается «старшей» среди этик, не то существовала «Малая этика» еще короче, не то она является конспектом или наброском какого-то пред-

Предисловие

полагавшегося огромного труда. Наиболее убедительное объяснение — она трактует о самых «больших», важных понятиях этики, не вдаваясь в подробности и почти не рассматривая частных ситуаций. В ней определениям уделено гораздо больше внимания, чем нюансам и дополнительным обстоятельствам, поэтому название можно перевести примерно как «Этика о самом главном». Если в двух других этических трактатах дается подробный анализ, что такое счастье, и как можно быть счастливым среди других людей, то в «Большой этике» Аристотель ограничивается инструкцией для достижения счастья с опорой на моральные качества человека. При этом не нужно забывать, что слово «Этика» — это множественное число, так что правильнее переводить это слово как «Нравственные рассуждения» или «Нравственные сочинения».

Этическая система Аристотеля может быть изложена следующим образом: этическое принадлежит области свободы — невозможно создать ту систему необходимостей, в которой возникнет нравственность. Нельзя человека ни убеждением, ни тем более принуждением заставить быть мужественным, осторожным, пронизательным. Самое большее, воспитание может способствовать приобретению таких качеств, но воспитание скорее предупреждает пороки, ту лень или невежество, из-за которых человек сначала действует, а потом думает. Любая нездоровая спонтанность для Аристотеля — вовсе не удалый характер, которой можно любоваться, а только свидетельство порочности и отсутствия у человека этических и политических качеств.

Но если нравственное действие реализуется свободно, например, мы свободно жертвуем собой ради друга, то этическая наука связывает свободу, добродетель и достоинство, предостерегая от ложного понимания всех этих понятий. Например, ни в коем случае нельзя достоинство понимать просто как достижение: достижение может быть случайным, тогда как достоинство признают все, оно постоянно. Именно достоинство позволяет посмотреть на добродетели и выяснить, как именно они становятся постоянными благодаря политическим обстоятельствам: например, в какой мере доблесть обязана славе предков, а в какой — новым задачам, поставленным перед государством. По сути, Аристотель

Александр Марков

предлагает постоянно прояснять нравственные понятия, чтобы показать, как достоинство, уже имеющееся у граждан, может послужить всеобщему благу.

Конечно, такое исследование потребовало и психологического анализа, который есть и в «Большой этике», и в «Политике». Душа человека понимается как устремленная к благу, и счастье возможно тогда, когда человек умеет свободно распорядиться благом, свободно вступить в отношения с этим благом. Например, человека делают счастливыми собственность, подарок, какое-то достижение, радующее окружающих, иначе говоря, какое-то приближение к благу, пусть ненадолго, где человек действует как достойный человек, ценящий себя и восхищающийся успехами других. Соответственно, Аристотель выясняет, какие институты и законы, такие как гарантии собственности или уставы дружбы, какие формы служения и ответственности сделают это счастье не мгновенной эмоцией, а общим достоянием граждан. Для нас понятие «счастливое государство» звучит напыщенно и невероятно, но для Аристотеля это означало просто государство, в котором граждане не поддались порокам, но готовые к ответственному и мужественному действию, например к самоограничению и самопожертвованию. Мы бы здесь говорили скорее о счастье не государства, но гражданского общества, о торжестве гражданского общества, но для Аристотеля не существует разделения между государством и обществом.

Читать оба труда Аристотеля нетрудно: он подробно объясняет свои мысли, и даже если какие-то рассуждения об античных политических институтах и обычаях не сразу понятны, уже на следующей странице, благодаря системе противопоставлений, мы разбираемся во всём. Трудность может заключаться только в том, что мы многие слова привыкли употреблять в простом бытовом смысле: например, то же слово «добродетель» по-русски звучит как слишком книжное, «доблесть» — как слишком военное, «достоинство» — как слишком индивидуалистическое, тогда как у Аристотеля добродетель и есть доблесть (это одно слово *arete*), достоинство неразрывно связано добродетелью-доблестью. Дело не в том, что добродетель частная, а достоинство — общественное, принимаемое всеми. Для Аристотеля в этих трудах всё обще-

Предисловие

ственное. Человек совершает смелый поступок на глазах у всех, показывая, что так может поступить каждый, но также и отстаивает достоинство всех, достоинство города и страны. В этом смысле и реформатор города-государства отстаивает его достоинство как свободного мира, но также и показывает, как нужно мужественно и ответственно принимать решения.

Но нельзя также и сказать, что Аристотель просто призывает быть смелыми и открытыми и требует мудрой осмотрительности от всех и каждого. Никаких понятий об «обществе» и «коллективе» во времена Аристотеля еще не было: он говорит о городе как единстве равных и непохожих граждан, способных увидеть друг друга и, в конце концов, преодолеть ложные политические формы. Беда тирании именно в том, что пороки тирана приписываются и другим: тирану кажется, например, что все против него злоумышляют. Так создается общество пороков, дружба с пороками всех причастных тирании. А достоинство свободной страны состоит в том, что, наоборот, другим приписываются добродетели — граждане видят, как могут поступить их сограждане и союзники, если станут по-настоящему свободными. Кто сам стал свободным и освободился от лжи, тот увидит, где другие требуют мужества, где — справедливости, где — мира, и почему это сейчас нужно не только данному полису, но и соседним.

Заметим, как Аристотель представлял себе то, о чем писал. Философ считал, что полис должен уметь обеспечить себя сам, и прежде всего — обеспечить себя достойными гражданами. Но нельзя сказать, что его система закрытая: он считал, что древнейшие государства возникли благодаря качественным различиям — например, царская власть стала считаться по природе другой, чем любая другая власть. Так была создана политическая форма, в которой могут существовать отвлеченные понятия, например, о ценности и достоинстве власти. Но задача современных государств — сделать эти отвлеченные понятия достоянием многих, показав, что, например, благородными могут стать все, получившие правильное воспитание. Дело не в том, чтобы всех призвать к подвигу, но в том, что государство, которое существует в свете Блага, которое объясняет себя через Благо, рано или поздно передает

Александр Марков

все необходимые понятия гражданам, уже готовящимся их принять — опыт сотрудничества и есть репетиция перед таким принятием Блага.

Нужно учитывать, что «Политику» Аристотель писал уже в поздние годы, в Афинах, находившихся в подчинении Македонской империи. В 335 г. до н.э., когда Аристотель открыл в Афинах свою философскую школу, Лицей, его ученик Александр Македонский взял штурмом и разрушил Фивы. Отсюда такое внимание к проблемам собственности, гражданства, профессий. Аристотель боялся, что его великий воспитанник может нарушить какие-то порядки полисов, а с другой стороны, видел в проекте новой империи возможность проанализировать, каким образом различные полисы достигали успеха и упадка, и что они или похожие на них полисы будут делать уже в составе Империи. Чуть заметная ностальгия читается между строк этого сочинения, например, в экскурсах о том, как понимать изобразительное искусство, но чем дальше мы читаем, тем сильнее перед нами встают Афины, Фивы, города Фессалии или Великой Греции (Южной Италии), как города, в которых были созданы свои способы действовать вместе ради счастья. Где Аристотель любовно исследует новое, время изменчивых решений исчезает, но интуитивно постигается счастье, о котором уже не забудут при принятии любых разумных решений.

Конечно, по мере того как сменялись полисы другими типами государств, то и политика как наука ушла от изучения организации полиса к другим задачам, например обоснованию конституционного порядка или системы международных отношений. Но в комментариях мы показываем, как многие теории, например теория конституции, уже в начальном виде присутствовали в труде Аристотеля. Великий философ, живший на сломе эпох, увидел, как прошлое исчерпывает себя, оставляя бессмертные примеры сотрудничества, человеческого общежития для будущего, в котором они воспринимаются уже как привычные. Так Благо и счастье и становится чем-то настолько ощутимым и явным для нашей частной жизни, что не затрепетать от этого невозможно.

Александр Марков

ПОЛИТИКА

Книга первая

I. 1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся (stokhadzontai) к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

Слово «общение» здесь употребляется в широком смысле любого взаимодействия, подобно тому, как мы говорим «транспортное сообщение» или «общность людей».

2. Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин», «господин» суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин — тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин — тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число — это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки — политики. Это, однако, далеко от истины.

3. Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчленив сложное на его простые элементы

(мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение.

И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов.

Аристотель высказывает здесь два методических принципа: эвристической целесообразности (предмет лучше можно понять, если разложить его на части и разобрать каждую часть отдельно) и генетической критики (чтобы разобраться с сутью предмета, нужно выяснить, откуда и как он возник).

4. Так, необходимость побуждает прежде всего сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, — женщину и мужчину в целях продолжения потомства; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям, — оставить после себя другое подобное себе существо.

[Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину и рабу полезно одно и то же.

Аристотель настаивал на том, что различие между господами и рабами — от природы. Эта совершенно неприемлемая для нас мысль основана на идее власти: если кто-то может управлять

Аристотель

всегда, хотя бы и плохо, а кто-то не может управлять никак, то значит, господин и раб — существа разной природы. У нас, современных людей, существует понятие о гражданском участии, которое стирает любые различия между людьми.

Согласно Аристотелю, господин предвидит последствия своих поступков, тогда как раб, выступая как одушевленный инструмент, никогда не знает, что получится в результате его работы, он знает только собственный участок работы.

5. Но женщина и раб по природе своей два различных существа: ведь творчество природы ни в чем не уподобляется жалкой работе кузнецов, изготавливающих «дельфийский нож»; напротив, в природе каждый предмет имеет свое назначение. Так, всякий инструмент будет наилучшим образом удовлетворять своему назначению, если он предназначен для исполнения одной работы, а не многих. У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения — общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам»; варвар и раб по природе своей понятия тождественные.

Дельфийский нож — инструмент, который, вероятно, использовался при жертвоприношениях в Дельфах и мог служить мечом. Образом подобного универсального инструмента, понятного для нас, является «швейцарский нож».

С точки зрения Аристотеля, в варварских сообществах все, кроме вождя, являются рабами, потому что исполняют приказы вождя, но не имеют собственной позиции. Поэтому там, где женщина не может иметь собственной позиции, она равна рабам по своему положению.

6. Итак, из указанных двух форм общения получается первый вид общения — семья. Правильно звучит стих Ге-

сиода: «Дом прежде всего и супруга, и бык-землепашец» (у бедняков бык служит вместо раба). Соответственно общению, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья; про членов такой семьи Харонд говорит, что они едят из одного ларя, а Эпименид Критянин называет их «питающимися из одних яслей».

Заметим, что, по Гесиоду и Аристотелю, в состав семьи входят рабы и домашние животные. Это отличается от наших представлений о «нуклеарной» семье, состоящей из двух поколений людей: родителей и детей. Семья для Аристотеля — хозяйствен-

Аристотель

ная единица, которая поддерживает благополучное хозяйство, и указание только на свободных людей не могло бы объяснить, как семья ведет хозяйство.

7. Общине, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, — селение. Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреческих племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей — селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок. Об этом именно и упоминает Гомер, говоря: «Правит каждый женами и детьми», ведь они жили отдельными селениями, как, впрочем, и вообще жили люди в древнейшие времена. И о богах говорят, что они состоят под властью царя, потому что люди — отчасти еще и теперь, а отчасти и в древнейшие времена — управлялись царями и, так же как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили это представление и на образ жизни богов.

Селением здесь названо обжитое семьей пространство, как в наших деревнях, где все, в конце концов, родственники друг другу, представители одной семьи в широком смысле.

Упомянутые полномочия древнейших царей заключаются, прежде всего, в том, чтобы распределять блага и готовить всё селение к испытаниям, от неурожая до войны. Аристотель описывает классический патриархат, где патриарх заботится о безопасности всего племени. В традиционной мифологии Аристотель тоже ниже увидел отражение патриархата.

Политика

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные община: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта — возьмем, например, природу человека, коня, семьи — то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

Для Аристотеля первое свойство государства — способность самостоятельно обеспечивать свою безопасность, как военную, так и продовольственную. Такое государство естественным образом возникает для поддержания и сохранения жизни людей, но после и для благой жизни — что в политической экономии мы бы назвали «распределением излишков производства». Ниже самодовлеющее существование понимается именно как сохранение и государства, и благополучия всех его участников.

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске.

Ключевой политической тезис Аристотеля. Как, например, хищнику от природы свойственно охотиться, так и человеку от природы свойственно объединяться в сообщества, а уже эти сообщества и определяют режим охоты, земледелия и других человеческих занятий.

10. Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо.

Для Аристотеля речь позволяет выработать стратегию безопасности или созидания на несколько шагов вперед, в отличие от животных, которые и создают жилища, и спасаются от врагов благодаря инстинкту.

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим «каменная рука»; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой. Всякий предмет определяется совершаемым им
